

**ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Чжан Хуаньюй
на тему: «Особенности творческой рецепции китайской литературы в
русской словесности 1940-80-х гг.»
по специальности 5.9.1. – «Русская литература и литературы народов
Российской Федерации»**

Представленный труд тематически, безусловно, включен в поле востребованных ныне разработок по русско-китайским литературным связям (достаточно обратиться к данным публикационной активности двух национальных информационно-аналитических систем России и Китая: РИНЦ и CNKI). Более того, он продолжает путь поисков, в траектории которого в этом же диссертационном совете была успешно защищена кандидатская диссертация Цзоу Синь «Отражение китайской лирики в русской поэзии 1950-х – 2020-х гг.» (2024). Однако замечу, что в самой работе Чжан Хуаньюй (как и во многих других подобных трудах) хотелось бы видеть обоснование актуальности в более тесной привязке к собственно научному, а не общественно-политическому контексту современности. Вероятно, этот идеологический акцент объясним тем, что привлекающие диссертанта образцы творческой рецепции китайских коммунистических авторов «оцениваются прежде всего как часть политической истории» (Автореф., с. 5), что, в свою очередь, согласуется с одним из направлений паспорта специальности 5.9.1 (п. 19). Но все же думается, что в методологическом отношении важнее сказать не об «углубляющемся гуманитарном диалоге между Россией и Китаем» (что правда!), а о включенности подготовленной диссертации в действительно актуальные области интересов семиотики культурных трансферов (любопытно, кстати, узнать, чем на практике

отличается заявленный Чжан Хуаньюй «культурно-семиотический подход» от неназванных принципов анализа культурного трансфера?), а также – феномена культурного посредничества как одной из основ мировой литературы (тем более что переводчики выступают здесь не в узкоспециальной роли, а как посредники и участники русского литературного процесса). Вместе с тем никаких вопросов не вызывает обоснованность обращения Чжан Хуаньюй к традиционным установкам сравнительно-исторического литературоведения, герменевтики и относительно молодой имагологии. В последнем случае полезной могла оказаться (но почему-то не оказалась) статья Е.В. Папиловой «Имагология как гуманитарная дисциплина» (2011), в которой пристальное внимание уделяется способам анализа образа «чужого» в произведениях художественной литературы.

Работа Чжан Хуаньюй впечатляет своим масштабом (если не сказать – размахом). Это проявляется в обширном диапазоне знаний диссертанта по культурам России и Китая, биографиям избранных авторов двух стран (и прежде всего А.И. Гитовича, Л.Е. Черкасского, Ю.А. Сорокина (Глеба Арсеньева)), истории переводов китайских писателей (Ай Цина, Вэнь Идо, Лу Синя, Лао Шэ, Го Можо) на русский язык и театральных постановок. Чжан Хуаньюй свободно ориентируется в истории советской литературы (1940–80-х гг.), подтверждая тем самым достаточную квалификацию по искомой специальности (см. 5-е направление исследований соответствующего ей паспорта).

Объем привлекаемого к анализу материала подкупает как в количественном отношении (67 литературных источников на двух языках), так и концептуально. Выбор произведений осуществлен таким образом, чтобы продемонстрировать рецепцию китайской литературы во всех трех родах: лирике, эпосе и драме. Между тем обоснованность и достоверность положений, выносимых на защиту, подтверждается не только большим корпусом текстов и их историко-литературной репрезентативностью, но и

внутренней логикой исследования, его заостренностью на собственно литературоведческих вопросах.

В первой главе, опираясь на лирическую форму, Чжан Хуанью углубляется в стиховедческую проблематику и на примере стиха Ай Цина уточняет причины неэквивалентности западного верлибра своему восточному «аналогу». Диссертант справедливо указывает на более подходящее в этом случае для русской поэзии, нежели верлибр, явление гетероморфного стиха, впервые обоснованное Ю.Б. Орлицким. Российский ученый, напомним, обнаружил такой стих в поэзии первой половины XX века (В. Хлебников, А. Введенский) и конца прошлого столетия. Вопрос: встречаются ли подобные примеры в советской литературе тех лет, которым посвящена диссертация, чтобы их можно было сопоставить со стихом Ай Цина на синхронном срезе?

Вторая глава в целом сосредоточена на эпической прозе. Хотя рецепция творчества Лу Синя в России много и плодотворно изучалась, выбор автора весьма показателен в ракурсе творческой интерпретации сатиры как вида комического. Сравнивая существующие переводы рассказа об учителе Гао, Чжан Хуанью расширяет эмпирический материал для изучения поэтики заглавий в аспекте компаративистики и рассмотрения литературного персонажа как системы номинаций. И если опора на общетеоретические работы по данным проблемам (С.Д. Кржижановского, И.Н. Исаковой и др.) видится мне желательной, но все же факультативной, то отсутствие ссылок на недавние исследования Линь Инин по сравнительному анализу перволичного повествования в русской и китайской литературных традициях (в том числе у Лу Синя) выглядит досадным упущением. Особенно в том параграфе, где анализируется поэтика песенных фрагментов в рассказе «Меч» и объясняется замена третьего лица (в оригинале) на первое (в обоих переводах).

Третья глава заставляет задуматься над причинами утраты жанрового своеобразия народных театральных форм и путях художественной трансформации поэтического слова в результате рецепции драматургического текста.

В частности, литературоведческой значимостью обладают полученные в ходе сопоставительного анализа выводы об особенностях интерпретации фразеологизмов в драматургии Лао Шэ, поскольку здесь напрямую затрагивается проблема реконструкции речевых характеристик персонажа. Языковой материал из переводов пьес «Лунсюйгоу» и «Фан Чжэнь-чжу», систематизированный по группам (фразеологические эквиваленты, частичные фразеологические эквиваленты, индивидуальный эквивалент, калькирование, описательный перевод), позволяет диссертанту утверждать, что «изменения в передаче образов персонажей проявляются в основном при использовании частичных фразеологических эквивалентов и описательного перевода» (с. 201). Если вспомнить, что в идиоматике воплощается ценностное содержание культуры, то может ли диссертант проиллюстрировать, как посредством фразеологизмов, употребляемых носителями языка автоматически, литературный персонаж обнаруживает свой национально маркированный взгляд на мир? И какие фразеологические единицы из числа рассмотренных в диссертации восходят (как это часто бывает) к древним мифам, ритуалам, обычаям, а возможно, – к более поздним памятникам китайской литературы?

Очевидной научной новизной отмечена четвертая глава, посвященная трансформации китайских поэтических образов, жанров и философских идей в русской поэзии. Здесь впервые литературоведческому анализу подвергается оригинальное поэтическое творчество переводчиков, которые «выходят за пределы функции посредника и становятся активными соиздателями межкультурного диалога» (с. 282), что помогает Чжан Хуанью реализовать еще два исследовательских направления из паспорта специальности 5.9.1: «взаимодействие русской и мировой литературы» (п. 24), а также «творческая

лаборатория писателя» (п. 11). Несмотря на смену интерпретационного вектора, находящегося в фокусе постоянного внимания (от воспроизведения чужого опыта к его творческому присвоению), диссертант в каждом из трех выбранных случаев искусно возвращает нас к проблемным узлам предыдущих глав, сшивая работу изнутри и не оставляя в ней грубых «швов».

Так, усвоение китайской формы «люйши» в лирике А.И. Гитовича рифмуется со стиховедческим звучанием первой главы; «домашняя поэзия» синолога Л.Е. Черкасского благодаря своим шутливым интонациям напоминает о категории комического из второй главы и одновременно обнаруживает близость к его мемуарам, в которые, например, включена юмористическая пьеса «Как Цуй Ин-ин влюбилась в Льва Николаевича Меньшикова» (конкретным содержанием, как видно, наполняется 16-й пункт из паспорта научной специальности – о взаимодействии русских эгодокументов с художественной литературой); наконец, разговор о мотивах китайского искусства и идеях китайской философии в лирике Глеба Арсеньева (Ю.А. Сорокина) продолжает начатое в третьей главе обсуждение форм и приемов межкультурной адаптации, и здесь правомерно говорить о внимании Чжан Хуаньюй к «связям художественной литературы с сочинениями историков и философской мыслью» (п. 17 паспорта специальности). Примечательно, что в этом же параграфе «из вторых рук» упомянута Н.М. Азарова, но только в качестве поэта, который осознанно обращается к жанру «цветы и птицы» (с. 267). Между тем, будучи известным филологом и переводчиком (в том числе с китайского языка), Н.М. Азарова – автор монографии «Язык философии и язык поэзии – движение навстречу...» (2010), которая могла бы стать полезной в работе Чжан Хуаньюй, тем более что в книге существенное место занимает поэзия второй половины XX столетия. Впрочем, сосредоточенность диссертанта на уровне поэтических образов, а не языка усиливает литературоведческий характер исследования и переводит сделанное замечание в разряд непринципиальных.

Более серьезной и настоятельной является просьба артикулировать то, что следовало бы развернуто оговорить в параграфе «1.1. Пределы русской рецепции китайской поэзии»: где пролегает грань между переводом («переводческой рецепцией») и «творческой рецепцией», «интерпретацией» («интерпретативным творчеством»), «межкультурной адаптацией», «переложением», «культурной транскрипцией»? каковы критерии разграничения этих смежных, но нетождественных понятий, фигурирующих на страницах диссертации? как они (границы и критерии) меняются в зависимости от рода литературы? При работе Чжан Хуаньюй с конкретными примерами линия разграничения проступает (так, на стр. 102 читаем: «Ярославцев сохранил структуру и основную идею элегии, но дополнил ее новыми интонациями и образами. Перевод стал в большей степени творческой интерпретацией, отличающейся от исходного текста усиленной экспрессивностью и детализацией»). Однако, с учетом того, что работа написана по литературоведению, а не переводоведению, желательно услышать четкий резюмирующий ответ в дефинитивном плане.

Дискуссионные вопросы и указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования, которое отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Диссертационное исследование оформлено согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Чжан Хуаньюй заслуживает присуждения
ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1.
Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,
профессор кафедры теории литературы
филологического факультета
Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова
ХОЛИКОВ Алексей Александрович

02 марта 2026 г.

Контактные данные:

тел.: 7(495)939-32-48, e-mail: teolit@philol.msu.ru
Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:
10.01.08 – Теория литературы. Текстология

Адрес места работы:

119991, г. Москва, Ленинские горы, ГСП-1,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
филологический факультет
Тел.: 7(495)939-32-48; e-mail: teolit@philol.msu.ru

Подпись сотрудника
удостоверяю: